

Маша Трауб

”

У меня к литературе очень простые требования. Хорошая книжка должна заставить меня совершить минимум два действия из трех: «плакать, смеяться, думать». Истории Маши Трауб приводили ко всем возможным комбинациям из этого лего. За это я их и люблю. И за красивый язык, разумеется!

– Александр Цыпкин

Проза взрослых детей

Клоун
Леша

Маша Трауб

Клоун Леша (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29197721

Клоун Леша: Э; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-091035-9

Аннотация

Читая эту книгу, вы будете смеяться и грустить, восхищаться и негодовать. Но главное – автор даст вам уникальную возможность прожить вместе с героями часть их жизни – и примерить ее на себя, потому что Маша Трауб всегда пишет о том, что произошло или может произойти на самом деле. Не ждите советов – вы просто увидите жизнь ее глазами и обязательно найдете ответы на те вопросы, что вас мучили.

Содержание

Домик на юге

5

Конец ознакомительного фрагмента.

71

Маша Трауб

Клоун Леша

© Трауб М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Домик на юге

Соня ехала отдыхать. Вообще-то она мечтала уехать одна – читать, лежать на пляже, ни с кем не общаться. Всю зиму она проболела, весной ходила бледная, почти зеленая. Иммуитет на нуле. Вспомнила, как в школе, классе в шестом, ей поставили диагноз – анемия. Одноклассники ее тогда прозвали «плесень» за цвет лица, совпадавший с цветом стен. Кличка приклеилась, и до окончания школы румяная и упитанная Соня оставалась «плесенью».

Нет, никаких гостиниц, шведского стола и вечерних прогулок по территории. Соня хотела уехать в Крым, снять какой-нибудь домик или комнатку в домике, как раньше ездили «дикарем», питаться помидорами с красным луком и «воночич» маслом из поджаренных семечек, ходить в одних и тех же шортах и растянутой майке, не думать о макияже и лифчике. Пусть висит грудь, проявляются от загара морщины, шелушится кожа... Плевать на живот, сложившийся в маленький, но стойкий валик, и ямки целлюлита на попе.

Мужу Соня сказала, что хочет поехать одна. Он посмотрел на нее и не понял. Просто не понял: как это – одна? А Андрюшка? Да, сыну тоже нужно на море. Муж прав. Соня кивнула. Позвонила подруга Маргоша, Соня рассказала о планах на заброшенный домик и помидорах на обед. Маргоша радостно завизжала:

– Ой, здорово! Я беру свою Аньку и еду с тобой! Хоть похудею.

Соня кивнула в трубку. Тем более что Маргоша взяла на себя организацию – пообещала найти домик и купить билеты. Домик нашелся быстро – через знакомого маклера. Маргоша с восторгом орала в трубку:

– Представляешь, почти на берегу, не в лучшем состоянии, но нормальный. Полностью в нашем распоряжении. Три комнаты, огромная веранда, участок. Красота несусветная!

– А ты его видела? – тоскливо спросила Соня.

– Нет, а зачем? Маклер все описал. Нормальный мужик. Убедительный. И берет приемлемо. Слушай, если уж честно, нам это обойдется в три копейки. А потом поедем в цивилизацию.

– Ладно, – согласилась Соня.

Мужу так и не понравилась идея отдыха дикарем, но он вроде бы успокоился. Все-таки Соня едет не одна, а с подружкой и детьми.

– Ты уверена, что там условия будут нормальные? Может, позвоним в агентство, и поедешь в приличное место? – сделал еще одну попытку муж.

– Маргоша говорит, что там все хорошо. Не понравится – вернемся, – ответила Соня.

За пять дней до отъезда Маргоша позвонила, рыдая.

– Сонь, я не могу ехать. У меня на работе завал. Начальник сказал, что если я уйду в отпуск, то могу не возвращать-

ся.

– И что делать? – испугалась Соня.

Ей уже снился этот домик с верандой. Она представляла, как будет сидеть с Маргошей и пить чай. Да и Андрюшка с Анькой всегда любил играть.

– Я не знаю, – ныла Маргоша, – а тут еще она...

– Кто?

– Кто-кто? Свекровь.

Маргошина свекровь Марина Михайловна была педагогом старой закалки и страшной специальности – русский язык и литература. Уйдя с почетом на пенсию, Марина Михайловна без работы не осталась – ученики приходили к ней на дом. Брала она мало, занималась много. Мамы были счастливы, дети из квартиры вылезали. С Маргошей они жили мирно, внучку Марина Михайловна обожала и неистово воспитывала. Маргоша не вмешивалась в процесс – во-первых, бесполезно, во-вторых, Анька была грамотной, начитанной и воспитанной не по годам. Правда, если Анька не могла внятно пересказать текст или делала грамматические ошибки, Марина Михайловна винила Маргошу. «Это ты в маму пошла», – говорила свекровь внучке. Но беззлобно. Маргоша не обижалась. Анька при этом бабушку очень любила. Даже когда та усаживала девочку в каникулы читать – «час в день обязательно», – не ныла и не капризничала.

Если Маргоша приводила в дом подружек, они все проходили собеседование у Марины Михайловны.

– А у вас, деточка, какое образование? – невинно интересовалась свекровь у женщины за тридцать – коллеги Маргоши по работе, секретарши на ресепшен.

– Я много чего окончила, – пугалась коллега, – пищевой институт, потом курсы.

– Все с вами понятно, – выносила диагноз Марина Михайловна.

Соню, окончившую иняз, Марина Михайловна «одобрила». И, погоняв Андрюшку по программе внеклассного чтения для младшего школьного возраста, сочла «хорошим мальчиком».

– Что с Мариной Михайловной? – спросила Соня.

– Она едет с вами, – выдохнула Маргоша.

– Как это? – не поняла Соня.

– Так. С Анькой. Вместо меня.

– Ты с ума сошла? – испугалась Соня.

– А что я могу сделать? Она сама захотела, – извиняясь, объяснила Маргоша.

Соню как будто встряхнули. Она живо представила себе Марину Михайловну в кроссовках и спортивных штанах, с маникюром и перстнями на пальцах. Отпуск накрылся. Соня будет варить обеды из трех блюд, курить в кулак на заднем дворе, ложиться спать в «тихий час», а что ждет Андрюшку с Анькой – вообще страшно подумать. Марина Михайловна наверняка навезет книг, засадит детей за чтение и, совершенно точно, заставит пересказывать прочитанное. Бу-

дет устраивать диктанты и учить с ними таблицу умножения. Нет, Андрюшке, конечно, полезно, но Соня сойдет с ума. Совершенно точно.

– Прости, – выдохнула Маргоша, – всего две недели. Она же к тебе хорошо относится и Андрюшку твоего считает мальчиком из приличной семьи. – Маргоша хмыкнула. – Не волнуйся.

– Я не волнуюсь. Мне страшно.

Зато Сонин муж обрадовался, когда узнал, что вместо Маргоши поедет Марина Михайловна.

– Отлично. Просто отлично, – повторял он.

Андрюшка обрадовался, увидев Аню, но радость была недолгой. Как только сели в самолет, Марина Михайловна достала фломастеры, блокноты и велела детям рисовать. Андрюша, хоть и ненавидел рисовать, согласился – ради Ани. Соня выпила таблетку и задремала – полеты она могла переносить только в бессознательном состоянии. Летать боялась. Сквозь дремоту слышала, как Марина Михайловна играет с детьми в скрабл – пишет первую и последнюю буквы в словах, а они отгадывают.

– На телефон, позвони Маргоше, – разбудила ее Марина Михайловна. – Я в этой технике ничего не понимаю.

Соня поняла, что они прилетели. Она взяла телефон и сообщила Маргоше, что долетели нормально.

Они взяли такси и поехали. Ехали долго. Дети устали и уснули. Марина Михайловна сначала бурчала, что Маргоша

отправила их бог знает куда, а потом переключилась на таксиста. Интересовалась зарплатами, школами, питанием и погодой. Соня смотрела в окно.

Наконец они приехали. Домик был милый, старой застройки. Ключи лежали там, где сказал маклер, – в почтовом ящике. С ним Маргоша расплатилась еще в Москве, записала телефон хозяев «на всякий случай» и успокоилась. В доме было чистенько.

– Марина Михайловна, вам какая комната нравится? – спросила Соня.

– Только не с солнечной стороны, – ответила та.

– А какая здесь солнечная?

– Если что – поменяемся, – решила Марина Михайловна.

Дети бегали по двору, Соня разбирала чемоданы, Маргошина свекровь ушла на рынок и в магазин.

Они накормили детей и сели пить чай на веранде. Марина Михайловна успела познакомиться с женщиной, которая будет оставлять им молоко с творогом. Соня внутренне содрогнулась – ее Андрюшка ни за что не будет есть творог, хотя кто его знает...

– Пляж чистый, море холодное, – рассказывала Марина Михайловна.

Спать легли рано – Марина Михайловна объявила отбой. Плохо засыпающий Андрюшка уснул сразу. Соня лежала в темноте и думала, что все не так уж плохо – во всяком случае, сын в надежных руках.

Она проснулась от грохота. Посмотрела на Андрюшку – спит. Закрыла глаза, но услышала голос Марины Михайловны. Соня встала и вышла из комнаты.

В гостиной горел свет. Марина Михайловна в шелковой пижаме стояла, держа в руках швабру. На пороге застыла дородная женщина – яркая блондинка под сорок. Рядом стоял толстый мальчик лет двенадцати.

– О господи, – выдохнула Соня.

– Вы кто? – строго спросила Марина Михайловна.

– Жильцы, – ответила блондинка, – а вы кто?

– И мы жильцы, – сказала Марина Михайловна.

– Как это? – не поняла женщина.

– Так это.

Женщина молчала.

– Мам, а можно мне яблоко? – спросил мальчик, увидев на столе тарелку, на которую Соня выложила яблоки и виноград.

– Сколько можно есть? Нашел время. Нельзя. Видишь, что происходит, – раздраженно отозвалась женщина.

– Сколько времени? – спросила Соня.

– Двенадцать, – ответила Марина Михайловна. – Так, садитесь и давайте разбираться. Как вас зовут? Откуда у вас ключи?

Женщина села за стол, мальчик схватил яблоко.

– Мы сняли этот дом через маклера. Деньги заплатили в Москве. Ключ взяли под ковриком, там, где он сказал.

– Как вас зовут?

– Антонина. Можно Тоня. Это мой сын – Витя. А вы?

– Тоже сняли этот дом. Через маклера. Невестка сняла.

Нас двое, и двое детей, – доложила Марина Михайловна.

– Какой ужас! Нас что, обманули?

– Может, Маргоша что-то перепутала? – подала голос Соня.

– И что же теперь делать? Уже ночь, – сказала женщина.

– Значит, сделаем так, – сказала Марина Михайловна. – Переночуете здесь. Утром будем разбираться, кто что перепутал.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Антонина. – А то я уже с ног валюсь.

– Мам, а можно винограда? – спросил Витя.

– Нельзя. Все. Ложимся спать, – рявкнула женщина.

– Молодой человек, вы в каком классе учитесь? – строго спросила Марина Михайловна.

– В пятом, – буркнул Витя и тут же согласился ложиться спать.

Соня пошла в комнату. Уходя, заметила, как Витя цапнул виноградную гроздь.

Ей показалось, что она только закрыла глаза и тут же проснулась. Было уже светло. Андрюшка еще спал. Соня вышла в гостиную. На столе стояли тарелки с творогом, молоком и хлебом. Из окна Соня увидела, как Марина Михайловна бодро делает махи ногами и наклоны. Видимо, она уже

успела сбегать на рынок и принести продукты. Антонины с Витей не было – они заняли третью комнату. Соня пошла в душ, пока дети не проснулись.

Из душа она выскочила от криков. В гостиной за столом сидели дети – Витя, Анька и Андрюшка – и уплетали творок с хлебом. Точнее, уплетал Витя, а Анька с Андрюшкой смотрели на него с ужасом и восторгом. Потом они взяли ложки и тоже начали есть – а вдруг это вкусно, если мальчик уплывает за обе щеки?

При этом им было совершенно наплевать на крики, доносившиеся со двора. Соня выскочила на улицу. Марина Михайловна и Антонина сидели на лавочке, а перед ними стояла высокая, красивая, хорошо одетая женщина. Дорогой чемодан валялся в кустах. За спиной женщины пряталась девочка – тоненькая, с испуганными глазищами. Женщина кричала в телефонную трубку:

– Как вы ни за что не отвечаете? А кто отвечает? Да я знаете что с вами сделаю? Дайте мне телефон вашего начальника! Да вы хоть знаете, с кем разговариваете?

Она дала отбой и бросила телефон на стол.

– Чтобы я попала в такую ситуацию?! – обратилась она к публике – Антонине, Марине Михайловне и Соне. – Надо что-то делать! Вы уже звонили своим? Надо этого маклера в розыск объявить! Что, так и будем сидеть? Что? Что?

Женщина отвлеклась на дочь, которая дергала ее за штанину.

– Мамочка, мне плохо. Живот болит. Мне в туалет нужно, – пискнула девочка.

– Иди в дом, там дети, – сказала ей Марина Михайловна.

– Дать таблеточку? – подскочила Антонина. – У меня и уголь есть активированный, и мезимчик, и но-шпа...

– Ничего не надо. Это у нее нервное, – отмахнулась женщина.

Соня тоже села на лавочку.

– А что случилось? – спросила она у женщины.

– Козлы. Это ж надо так, – прокомментировала женщина.

– Им тоже этот дом сдали. В Москве, – объяснила Антонина. – А концов нет. Маклер пропал. Телефон отключен.

– Понятно, – произнесла Соня.

– Надо искать жилье, – сказала женщина.

– Кому? – испугалась Антонина.

– Всем. Не будем же мы жребий тянуть или выяснять, кто первый этот дом снял? – ответила женщина.

– С жильем плохо, – сказала Марина Михайловна, – я ходила утром на рынок. Комнаты есть, но отвратительные. За сумасшедшие деньги. А те, что приличные, забронированы. Давайте размещаться.

– Нет, я этого так не оставлю, – заявила женщина. – Я рассчитывала на дом, а не на общежитие.

– Тогда оставляйте дочку и идите ищите, – предложила Марина Михайловна.

– Ну уж нет. Почему я? Я в таком же положении, как и вы.

– Тогда общежитие, – отрезала Марина Михайловна.

Кое-как расположились. Вновь прибывшую женщину звали Ирина, ее девятилетнюю дочь – Тася.

Ирина, которой досталась для проживания гостиная, сразу взяла руководство в свои руки – рассовала чемоданы, развесила полотенца, поделила шкафы. Марина Михайловна поступила мудро – взяла Аньку с Андрюшей и побежала на пляж. Антонина пошла узнавать насчет обеда и закупать чай, кофе и туалетную бумагу. Витя прирос к тарелке с черешней. Тася развешивала платья. Соня взяла книжку и решила вообще ничего не делать. Но через некоторое время ей стало скучно, и она вышла в гостиную.

– Твою мать, да что ж это такое? Что ты мне свои юбки под ноги бросаешь? – орала на дочь Ира. Тася подбирала юбочки и складывала в кучку рядом.

Ирина выругалась – красивым долгим матом. Мат ей шел так же, как летнее платье и босоножки. Она была настолько яркая, органичная и завораживающая, что Соня засмотрелась. Ирина успела умыться и собрала волосы в хвост. Но даже без макияжа, с набрякшими верхними веками и сосудистыми разводами на лице, она была красива. Тася была похожа на мать. Внешне, и только. Высокая для своих лет, с копной волос. Но характер был не мамин. Тася казалась воздушной принцессой, совершенно не приспособленной к действительности. Она разговаривала со своими юбочками и успокаивала куклу Мирабеллу: «Ничего, юбочки, потерпи-

те, сейчас я вас сложу. Мирабеллочка, милая, все хорошо».

– Переоденься, пойдём на пляж, – велела дочке Ира.

Тася надела шортики и маечку. Шорты она натянула до подмышек, а майку, наоборот, тянула вниз.

– Ну кто так ходит? Куда ты все тянешь? – подошла к ней мама, рывком спустила шорты и подтянула майку. – Пить будешь? – обратилась она к Соне.

– Не знаю, – проямлила Соня, – неудобно как-то.

– Так будешь или нет? – строго спросила Ира.

– Буду, – ответила Соня, потому что побоялась отказать новой знакомой.

– На, наливай. – Ира достала из чемодана бутылку вина.

– Может, вечером? – переспросила Соня.

– Вечером обязательно, – ответила Ира.

Соня достала стаканы, штопор и начала возиться с бутылкой.

– Господи, дай сюда, – велела Ирина, забрала бутылку и легко дернула пробку.

Они сели, выпили. Вино было белое, хорошее.

– Что ты тут сидишь? – спросила у Вити Ира. Витя играл в пи-эс-пи, жевал горбушку и никого не трогал.

– У меня голова болит, – ответил мальчик.

– Чё дать?

– Не знаю.

– «Не знаю», – передразнила его Ира. – На анальгин.

Витя послушно выпил таблетку. Этой женщине было

невозможно отказать. Хотелось ее слушать и исполнять ее волю.

– Ну и как жить будем, Соня? – спросила Ира. – Можно, я тебя буду Софкой звать? Соня тебе не подходит. Ты – Софка. Настоящая.

Соня отхлебнула вина и кивнула. «Софка» звучало красиво.

– Тетя Соня, разреши, я тебе песню спою, – подошла к ней Тася.

– Пой, только не называй меня тетей, – ответила Соня.

– Надо обращаться «Соня, вы», – сказала дочери Ирина.

– Соня, вы, а вы любите грустные песни? – спросила девочка.

– Люблю.

– Да не «Соня, вы», а Соня, но на «вы», – прикрикнула Ира.

– Хорошо, мамочка, – ответила девочка.

У Таси оказался красивый, чистый, но слабенький голос. Тася пела и кружилась под собственное пение. Она держала руками воображаемую юбку и размахивала воображаемым шлейфом. Даже Витя оторвался от игрушки и уставился на странную девочку. Публика Тасе была не нужна – она танцевала и пела для себя.

– Какая у вас девочка. Необычная, – сказала Ире Соня.

– Ага, это ты еще мягко сказала, – ответила Ира, с любовью глядя на дочь, – белая ворона. Одни проблемы в школе.

Не может подружиться со сверстниками. Вот привезла ее сюда специально, чтобы реальную жизнь узнала. Как мы росли. Надеюсь, что оботрется, ногами на землю встанет. Попроще будет, что ли...

– Она очень пластичная, – сказала Соня.

– Только музыку не слышит. У нее свои скрипочки в голове. Не знаю, что с ней делать. Я уже и весь класс собирала, и подружек ее зазывала в дом, и в кино всех водила, а она все равно одна. Ей никто не интересен, а ее сторонятся. Девочки сейчас сама знаешь какие. А моя принцесса с тетрадками разговаривает, с ручками, танцует на переменах сама с собой.

– Мне кажется, она замечательная...

– Да кто бы спорил. Только как ей жить, такой замечательной? Я же не всегда буду рядом! Ой, Витька, что с тобой?

Ира кинулась к Вите. Тот буквально на глазах опухал и краснел. Ира задрала ему майку – весь живот, белый, толстый, был в сыпи.

– Аллергия, – не задумываясь сказала Ира. – У тебя на что аллергия? – встряхнула она мальчика.

– На аналгин, – пропыхтел ребенок.

– Что ж ты, м... к такой, молчал? Ты, б..., что ж со мной делаешь? Твою мать, б...! – заорала Ира, схватила Витю, легко вздернула и поволокла на улицу.

– Иди на море. Там дети и Марина Михайловна, – велела дочери Ира, – будешь с ними. Софка, ты со мной. Только

напиши Антонине записку, что мы ушли гулять. Все, быстро выполнять.

Тася и Соня смотрели на Иру и не двигались.

– Что встали? Бегом, я сказала! – рывкнула Ира. Соня кинулась искать ручку, Тася, сверкая пятками, убежала в сторону пляжа. Соня нацарапала записку и побежала за Ирой.

– Только бы Антонину не встретить, – говорила Ира, – а то, пока объясним, время потеряем. Ты нормально, Витек?

– Да, все хорошо, – прошептал мальчик.

– Вот поставлю тебе капельницу с большой иглой, будешь знать. Что ж ты молчал? Голову потом оторву. Обещаю.

– А куда иголку? – испугался Витя.

– В жопу. Со всего маху! – не выдержала Ира.

В местной поликлинике их пытались остановить медсестры. Но Иру остановить было невозможно. Медсестры были посланы красивым многослойным матом, и Ирина влетела в кабинет главного врача. Соня с трудом держала упитанного Витю.

– В чем дело? – спросил врач.

– Быстро, аллергия, капельницу ставьте, потом рассчитаемся, – распорядилась Ира и сверкнула глазами.

Соня опять на нее засмотрелась – разъяренная, с вываливающейся из сарафана грудью, нечесаной копной волос. Врач потерял дар речи.

Уже через минуту Витя лежал на кушетке. Ему сделали укол.

– Софка, метнись быстро за коньячком. На, держи деньги, – велела Ира, – и лимончик прихвати!

Соня скатилась с лестницы поликлиники кубарем. Она еще никогда в жизни «не металась за коньячком» и не попала в такую ситуацию. В потной ладони, как маленькая, она сжимала деньги, которые сунула ей Ира. Она бежала в магазин и боялась одного – не купить коньяк, не успеть, подвести Иру. Она боялась, что Ира на нее наорет. Как ни странно, магазин нашелся быстро, а в нем – и коньяк, и лимончик. Соня свалила покупки в пакет и понеслась назад. В этот момент зазвонил телефон. Звонил муж.

– Да, – выдохнула Соня.

– Ты что, бегаешь?

– Да, бегаю.

– Молодец. У вас все в порядке? Андрюшка с Мариной Михайловной?

– Да, все хорошо, они на пляже, я тебе перезвоню. После пробежки, – сказала Соня и дала отбой.

Но телефон зазвонил снова. Маргоша.

– Да, – опять выдохнула Соня.

– Сонечка, я не знаю, что делать... – запричитала в трубке Маргоша. – Маклер оказался аферистом. Телефон отключен. Вы как там? Марина Михайловна меня убьет. А почему у тебя такой голос?

– Я бегала за коньячком, – ответила Соня.

– Чего? – не поняла Маргоша.

– Маргош, все в порядке. Не волнуйся. Анька на пляже. У нас тут три семьи такие. В нашем доме. Мы дали Вите таблетку, у него аллергия, Ира с ним в больнице, а я за коньяком для врача побежала. Я тебе потом позвоню.

– Соня, Сонька! Какой Витька? Какие три семьи? Что за Ира? Какая аллергия? Ты что, пьяная? – кричала Маргоша.

Соня нажала отбой. А потом совсем отключила телефон.

В поликлинику она влетела и ворвалась в кабинет главного врача. Витя – уже не опухший и почти розовый – сидел на диване и лопал шоколадные конфеты. Ира красиво сидела в кресле и покачивала ногой. Врач разливал коньячок.

– О, Софка, привет. Вовремя, а то у нас уже на дне плещется, – сказала Ирка. – Познакомься, это Дмитрий Иванович. Наш спаситель, гениальный врач.

– Ну что вы, Ирочка. Сонечка, вам плеснуть? – спросил врач, открывая новую бутылку.

– Плесни, плесни, Дмитрий Иванович, – велела Ира.

Соня хлебнула коньяк и зажевала лимончиком. Ира убедительно рассказывала врачу, какой он талант, руководитель и спаситель.

– Ладно, нам пора, – встала Ира. – Если что, Дмитрий Иванович, дорогой мой, мы сразу к вам. У нас еще... раз, два, три, четыре, в общем, много детей...

– Ирочка, ну чудо. Заходите. Всегда буду рад, – распахнул руки врач. – Если заскучаете вечерком, составлю компанию. Я в вашем распоряжении.

– Дмитрий Иванович, – серьезно сказала Ира, – я вас люблю. Верите? Люблю. Вы такой мужчина!

– Ирочка, ну что вы...

– Дайте я вас поцелую!

Ирка облобызалась с врачом, и они вышли из поликлиники.

– Ладно, хоть частный врач теперь есть, – выдохнула Ира. – Уже легче. Хоть есть куда бечь. Слушай, Витек. Ты маме ничего не говори. Я ей сама вечером скажу, лады?

– Хорошо, – согласился Витя.

Дома никого не было.

– Так, все на пляже, – обвела взглядом комнату Ира. – Быстро переодеваемся, купаемся, а потом – в ресторан.

На пляже Марина Михайловна играла с Андрюшкой и Анькой в крестики-нолики. Тася бродила по берегу и собирала ракушки, Антонина сидела на камне, прикрывшись парео.

– Как дела? – громко поинтересовалась Ира и скинула платье.

– Все хорошо. А вы где были? – спросила Антонина.

– Гуляли по городу. Кстати, нашли поликлинику и магазин.

Ира растянулась на полотенце. Соня увидела огромный шрам, расплосовавший бедро. Задумалась, сколько лет Ире – сорок, тридцать семь? Все равно старше Сони, а тело – лучше. Соне стало стыдно за свой целлюлит и живот. Шрам

на Ириной стройной ноге притягивал взгляд.

– А от чего это? – спросила Соня.

– Авария, – ответила Ира.

После пляжа пошли в ресторан. Заказали гору еды. Дети перезнакомились, передружились и были заняты собой.

– Так, что будем пить? – Ира открыла меню.

– Вино, – ответила Соня.

– Пиво, – сказала Антонина.

– Мне нельзя. Давление, – отказалась Марина Михайловна.

– Так, – обратилась к официанту Ира, – винца, пивка и коньячка от давления.

Сидели долго. Даже Марина Михайловна глотнула из рюмки и сказала, что Тася – талантливая девочка.

– Тонь, у Витька голова болела, я ему анальгин дала. Он не сказал мне про аллергию. В больнице были, укол ему сделали. Прости, – призналась Ира.

Антонина выпучила от ужаса глаза. Соня решила, что сейчас будет крик и скандал, но Антонина неожиданно сказала:

– Ир, а ты можешь запретить ему есть макароны? Понимаешь, у него культ еды, ему худеть надо, а я не могу ему отказать. Тебя он послушает.

– Сделаем, – легко согласилась Ира.

Дети объелись мороженым и запросились домой.

– Так, берите ключи и идите, – сказала Ира.

– Как это? Одни? – забеспокоилась Антонина.

– Ничего. Они уже взрослые. Витек, ты за старшего. Понял? Отвечаешь головой.

– Правильно, детей нужно приучать к самостоятельности, – одобрительно кивнула Марина Михайловна. – Как придете, прочтете две страницы текста, – велела она.

– Задание ясно? Кругом, бегом марш! – отдала команду Ира.

– Деточка, а вы что закончили? – спросила Марина Михайловна у Иры.

– Мехмат, – ответила та.

– Умница, – поставила диагноз Марина Михайловна.

– Только я по специальности не работала.

– А это совершенно не важно. Важно – базовое образование.

– А я закончила курсы имиджмейкеров, – сообщила Антонина гордо и смущенно.

– То есть техникум? – уточнила Маргошина свекровь.

– Нет, курсы.

– Надо нам с тобой в магазин сходить, – сказала Ира, – имидж сменить. Марина Михайловна, вам подлить?

– Нет, нет, мне нельзя. Мне таблетки пить.

– Марина Михайловна, поверьте мне, коньяк еще никаким таблеткам не мешал, – не отставала Ирина.

– Ладно, уговорила. Давай, – махнула рукой Марина Михайловна. – Мне детей доверили, а я с вами вон что делаю.

– Да вы еще ничего не делаете! – воскликнула Ира. – Да-

вайте мы вам жениха найдем?

– Ой, девочки. Я уже старая. Это вы ищите. А то мне интриги не хватает.

– Будет, Марина Михайловна, будет, – пообещала Ира. Все вздохнули.

– Так, Тонь, когда пойдем на шопинг? – спросила Ира.

– Нет, я с тобой не пойду, – опять испугалась Антонина. – Ты все про себя знаешь. Я лучше с Соней пойду.

– Я тоже про себя все знаю, – обиделась Соня.

– Нет, не все. Вот у тебя есть грудь, – начала рассуждать Антонина, – почему ты ее не показываешь? Тебе грудь надо показывать.

– А ноги? Прятать? – попыталась пошутить Соня.

– Нет, зачем прятать? Ничего прятать не надо. Только тебя поярче надо сделать. А то у тебя ногти без лака, шорты бежевые – ты такая размытая...

– И что ты предлагаешь? Рюшечки?

– А хотя бы и рюшечки, – смело заметила Антонина, – и шифон, атлас. Твой лен скучен. Ты такая цыганка, испанка! Тебе нужно носить бусы. И шляпу.

– Отлично, завтра пойдете с Софкой покупать бусы! – обрадовалась Ира.

– А мне панамку купите, – поддержала Марина Михайловна.

– Пошлите домой, – сказала Антонина.

– Тонечка, – заметила Марина Михайловна, – надо гово-

рить «пойдемте», слова «пошлите» в русском языке нет. Как нет слов «ехай» и «кушай». «Кушай» – только в выражении «кушать подано».

Антонина замолчала. Ира с Соней поперхнулись вином и долго кашляли.

Дети, как ни странно, друг с другом хорошо ладили. Анька играла с Андрюшей, Витя и Тася общались как взрослые. Вечером расселись на веранде.

– Ну что, пьем? – обратилась ко всем Ира.

– Опять? – испугалась Соня.

– Ой, девочки, как же хорошо, – подала голос Марина Михайловна. – Ладно, пойду спать.

– Какой спать, Марина Михайловна? – возмутилась Ира. – Посидите с нами, хоть чайку попейте.

Ира разлила откуда-то взявшееся вино, в один момент заварила чай и поставила чашку перед разомлевшей бабулей.

– Марина Михайловна, раскроете секрет молодости? – весело спросила Ира.

– Ой, девочки, мне бы ваши годы! – мечтательно ответила Марина Михайловна. – Хотя нет, не хочу. Сейчас я могу позволить себе любую глупость. Ну, назовут чокнутой старухой – и все, с меня взятки гладки. Нет, старость – это свобода. От всего.

– Точно, точно, – подхватила Антонина. – Вот у нас педагогиня на курсах по этикету была. Такую чушь несла, а все слушали. Как будто откровение.

– Тонечка, скажи мне лучше, – перебила ее Марина Михайловна, – а какой краской лучше волосы красить?

– Я не знаю, – испугалась Антонина, – я же не парикмахер. Мы этого не проходили.

– Как не парикмахер? А кто?

– Имиджмейкер, – гордо сказала Антонина. – Я могу только советовать. Какой стиль выбрать, какая прическа подойдет. Я не крашу и не стригу.

– Это теперь так называется? – искренне удивилась Марина Михайловна.

– Да, это модная и очень прибыльная профессия, – с пафосом заявила Тоня.

Соня с Ирой тихо подхихикивали.

– А жаль, что ты не парикмахер, – сказала Марина Михайловна, – а то бы подстригла меня.

– Мама, у меня живот болит и голова кружится. Я что-то нервничаю. Без повода, – подошла к Ирине Тася.

– Катастрофа ты моя Ивановна, – ласково сказала Ира. – Что ж ты нервничаешь?

– Я же говорю, без повода. На душе беспокойно.

– Душа моя, шла бы ты спать. И скажи остальным, чтобы ложились.

– Хорошо, мамочка. Только я еще немного подумаю.

Девочка ушла.

– Что мне с ней делать? Скажите мне как педагог, – обратилась к Марине Михайловне Ира. – Не от мира сего де-

вочка.

– А зачем ей? За мир отвечаешь ты, – ответила бабуля.

Марина Михайловна и Антонина ушли спать. Ира с Соней допивали вино.

– Ладно, я тоже пойду. – Ира встала.

– А мне не спится. Иди. Я тут уберу и подмету, – сказала Соня.

– Ну-ну.

Соня убрала посуду, подмела веранду – сна не было ни в одном глазу. Она развесила полотенца и наткнулась на ведро. Решила протереть полы хотя бы на веранде и кухне. В тот момент, когда она на четвереньках ползала под столом, зазвонил телефон.

– Алле? – ответила Соня.

– Сонька, ты не спишь? – спросила Маргоша.

– Нет, полы мою.

– С ума сошла? Час ночи!

– Маргоша, все в порядке. Не волнуйся. У нас – отличная компания. – Соня говорила и понимала, что слова складывает с трудом. Заговаривается.

– Ты что, пьяная?

– Нет, то есть да. Но не сильно. Мы все вместе сидели. Дети спят. Спроси у свекрови.

– Ладно, я вам завтра позвоню.

– Маргоша, все отлично. Не парься.

– Чего?

– Ничего. Вот стану старой, буду говорить, как хочу. Старость, Маргоша, – это свобода. Ты об этом знала?

Маргоша положила трубку, и Соня расстроилась – ей как раз захотелось поговорить. Она бросила ведро с тряпкой и пошла посмотреть, уснула ли Ира. Все спали. Соня добрела до кровати и рухнула.

Утром она проснулась поздно. Андрюшки не было. Соня пошла в ванную – на полу валялось полотенце, и весь пол был мокрый. Соня взяла тряпку и вытерла воду. Встала под душ – вода текла чуть теплая. Там стоял нагреватель, и, видимо, все уже успели помыться. В гостиной сидела Анька и учила таблицу умножения на три. Андрюшка сидел рядом над стопкой цветной бумаги и фломастерами. Тася пересказывала Вите книжку, которую читала, – про девочку, которая была злой и гордой. Потом злая фея сделала ее служанкой, и она стала доброй и хорошей. Тася рассказывала и показывала. Она была то девочкой, то злой колдуньей. Витя потерял дар речи. Взрослых не было.

– Привет, дети, – сказала Соня, – а где все?

Ей никто не ответил.

– Аня, а где бабушка? – повторила Соня вопрос.

– Трижды четыре – двенадцать, – произнесла девочка. – Не знаю. Ушла. Сказала – придет, проверит. Трижды пять – пятнадцать.

– А ты что делаешь? – спросила Соня у сына.

– Стенгазету, – мрачно ответил он.

– Понятно, – ответила Соня.

– Тетя Соня, вы, – обратилась к ней Тася, – если вы сядете на диван, то сможете послушать, что стало со Златовлаской, когда в нее влюбился принц.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Соня у Вити.

– Нормально, – буркнул он.

– А где твоя мама?

– Ушла с тетей Ирой в магазин и узнать насчет обеда.

– А что у вас такой бардак?

В комнате действительно были навалены вещи, игрушки и скомканная бумага.

– Где? – заинтересовалась Тася.

– Здесь. Это твое? – спросила Соня, показав пальцем на валявшиеся на полу бисерную сумочку, блокнот и ручки.

– Сейчас посмотрю, – ответила девочка и бухнулась на пол.

Тася ползала по полу, поднимала вещь, рассматривала ее и перекидывала на кровать.

– Это я писала стихи, – объяснила она.

– Так, давайте вы заканчивайте с заданиями, я быстро тут уберу, и мы пойдем на пляж, – решила Соня.

Она протерла тряпкой полы, расставила обувь, собрала сумку и вывела детей.

– Трижды девять... Я забыла... Теть Сонь, трижды девять, – причитала Анька.

– Мам, а ты мне напишешь, как я провел день, для стен-

газеты? – попросил Андрюшка.

– Тетя Соня, вы, жаль, что так и не узнали, как Златовласка попала в замок.

– У меня ноги болят, – буркнул Витя.

Соня начала злиться. Все куда-то делись и оставили ее с детьми. Нашли няньку! Они дошли до пляжа, Соня обмазала всех по очереди кремом от загара и велела испариться. Андрюшка с Анькой побежали прыгать на волнах, Витя сел рядом и принялся страдать, Тася пошла складывать из камней королевский замок.

Соня легла и закрыла глаза. Но рядом пыхтел Витя, и она не выдержала.

– Что с тобой? – спросила она у мальчика.

– Ноги. Натер.

– Дай посмотрю. – Соня взяла его ногу. Никаких мозолей. Все в порядке.

– Не здесь, – прошептал мальчик.

– А где? – испугалась Соня.

– Не скажу, – ответил Витя и сжал ноги.

Соня догадалась, что Витя натер внутреннюю сторону бедра.

– А тебе мама чем мажет?

– Кремом.

– Потерпи. Придем домой, намажем.

– Не намажем, – чуть не заплакал мальчик, – мама этот крем забыла.

– Тогда мы ходим в аптеку и купим. Не переживай. Сходи искупайся.

Но Витя продолжал тяжело вздыхать и расчесывать ноги.

Андрюша с Анькой познакомились с мальчиком – Кирюшей. Судя по выпавшим передним зубам, Кирюше было лет шесть. Одет он был в спортивную футбольную форму с фамилией Муранов на спине. Соня такого футболиста не вспомнила, из чего заключила, что Муранов – фамилия мальчика. Кирюша бегал по пляжу в носках и шлепках. Его родители расположились рядом. Девушка-блондинка в спортивном костюме и мужчина лет на двадцать старше. Мужчина пил пиво, а девушка бегала за Кирюшей и голосила:

– Кирюша, осторожно, не ходи туда, я сказала. Кирюша, слезь немедленно. А вы мамочка? – обратилась девушка к Соне.

– Да, вон того мальчика.

– А остальные?

– Тоже мои. Мы живем вместе.

Девушка представилась Наташей. Мужа звали Славой. Слава пил пиво, а Наташа щебетала:

– Ой, а вы где обедаете? Там еда качественная? А то Кирюша не ест соленого и перченого. А море же холодное, вы не боитесь за деток? Солнце такое агрессивное – сгорят в один миг. А воду вы какую используете? В бутылках покупаете или из-под крана? А фрукты на рынке модифицированные? Что-то они слишком красивые – я не доверяю. А вы уже

в школу ходите? Обычную или частную? Ой, и не боитесь? Я слышала, что в обычных школах деток обижают. А вы где живете? А мы с вами соседи. Кирюша так хорошо с вашими играет. Так сложно сейчас с детками – такие агрессивные, а мамы вообще ужас – пьют, курят. А то вообще бросят мне детей на площадке и уходят. А я за всеми приглядываю. Как можно своих детей бросать? Правда же?

Соня слушала этот монолог и кивала. Девушка ей показалась милой, сдвинутой на материнстве и детстве, но доброй и приятной.

Наконец пришли Ира, Антонина и Марина Михайловна.

– Вы где были? – спросила Соня.

– Ирочка нашла чудесный ресторан, пообедать. Уже и с директором познакомилась. А мы с Тонечкой ходили мне юбку покупать, – сказала Марина Михайловна. – А ты как?

– Никак, – обиженно пробурчала Соня, – я тут одна, с детьми...

– Сонечка, вот если бы их было тридцать, я бы тебе посочувствовала... – сказала Марина Михайловна.

– У меня нет такого опыта, как у вас.

– Софка, две минуты, только окунуться и пойдем, – пообещала Ира. – Закажем рыбки, мяса и винца холодненького.

В ресторане заказывала Ира. Она уже знала по именам всех официантов, шеф-повара и директора. Блюдами уставили весь стол. Соня глотнула холодного вина.

– Полегчало? – заботливо спросила Ира.

– Угу, – ответила Соня.

– Не ешь макароны. Это не для тебя. Вон овощи возьми, салатик. Куда ты столько кетчупа льешь? – Антонина вырвала у Вити тарелку. Витя заныл, и Антонина сдалась. – Врач сказал, надо худеть, а он все равно ест, – как будто оправдываясь, объяснила она.

– У него ноги болели. Натер, – доложила Соня Антонине.

– Я знаю. Летом всегда так. До язв. Или когда много ходит. Худеть ему надо.

– Так, Витек, – обратилась к мальчику Ира. – Быстро отодвинул макароны и взял овощи. А то я тебе липосакцию сделаю. Дорогу в больницу знаем, врач есть.

– А это что такое? – осторожно поинтересовался мальчик.

– А это когда тебе в живот втыкают шланг и отсасывают жир. Операция такая. Понял?

Витя быстро пододвинул к себе тарелку с овощами.

– Гениально, – восхитилась Антонина, – я бы так не смогла.

– Ты что пить будешь? – спросила у нее Ира.

– Пивка бы.

– Сейчас сделаем.

Они наелись до отвала. Соня с Ирой допивали вторую бутылку вина. Соня чувствовала, что уже совсем пьяная. Дети из последних сил давились мороженым. Витя добровольно отказался от десерта и лопал черешню. Даже Марина Михайловна позволила себе винца и тут же захмелела.

– Телефон, – сказала Ира. – У кого-то звонит телефон.

Все похватали сумки и стали искать телефоны. Оказалось, что звонил мобильный Марины Михайловны. Она взяла трубку другой стороной, долго в нее дула и кричала «алле». Наконец перевернула телефон, нажала нужную кнопку и ответила:

– Да, Маргоша, все в порядке. Я тебе сейчас Соню дам.

– Что это с ней? – спросила Маргоша Соню, когда та взяла трубку.

– А что?

– А с тобой что?

– Ничего. Обедаем.

– Вы что, опять пьете?

– Нет, мы едим.

– Ты с ума сошла? Марине Михайловне нельзя пить! У нее давление и сердце! – заорала Маргоша. – А что пьете? – с живым интересом и завистью спросила она.

– Вино. Белое.

– Вот ведь... а я тут...

Они сидели еще долго. Уходить не хотелось. Ира поила вином шеф-повара и говорила хозяину, что он гений ресторанного бизнеса. Антонина поправляла прическу и подтягивала повыше юбку. Дети играли в «крокодила» под руководством Марины Михайловны. Надо было загадать животное и изобразить его без слов. Изображали по очереди. Остальные клиенты ресторана, оторвавшись от еды, смотрели, как

Марина Михайловна ходит по залу, выбрасывая ноги, и что-то подбирает с пола вытянутыми руками. При этом бабуля издавала непонятные звуки.

– Слон! Жираф! – кричали дети.

– Цапля! – сказал официант и оказался прав.

Вечером шли домой. По дороге встретили семейство с пляжа – Наташу, Славу и Кириюшу.

– Вячеслав, не хотите ли зайти на кофе? – спросила Ира и пощелкала пальцами по горлу.

– Хочу, – радостно согласился Вячеслав.

– Нет, нет, что вы. Нам нужно принять душ и идти ужинать, – засуетилась Наташа.

– Да ладно, Натуль, на пять минут, – сказал муж.

Наташа поджала губки, но увидела, что Кириюша уже убежал с остальными во двор.

Ира быстренько достала рюмки и вытащила из пляжной сумки коньяк.

– Откуда ты это взяла? – удивилась Соня.

– Это подарок шеф-повара, – ответила Ира. – Садитесь.

– Я пойду за детками посмотрю, – сказала Наташа, – я не пью.

Девушка скрылась во дворе, и Вячеслав выдохнул. Под Ириными пылкими взглядами в сочетании с коньяком он разговорился – рассказывал про игру на бирже. Никто не понимал ни слова – мужчина говорил тихо, мычал, икал, заикался, но Ира кивала и вставляла фразы «Как интересно!»,

«С ума сойти!».

Наташа еле увела пьяного и счастливого мужа домой. Все женщины расселись на веранде, смотрели им вслед и мирно сплетничали.

– Интересно, она его насколько младше? – спросила Антонина.

– Лет на двадцать точно, – ответила Соня.

– Наверняка не первый брак у него, – сказала Антонина. – Что ж он такой подкаблучник? Что он в ней нашел?

– Молодость, – мудро заметила Ира.

– У нее нет высшего образования, – встряла в разговор Марина Михайловна. – Я интересовалась. И мальчик у нее – с пробелами. Ничего не знает. Даже слово на слоги не умеет раскладывать. Я его протестировала по программе подготовки к школе – ноль, полный ноль. Тут много от матери зависит. Отец, конечно, тоже играет роль в формировании личности, но мать...

– Да ладно вам, Маринмихална, – сказала Соня, опасаясь, что бабуля свернет на любимую тему значения образования матери в воспитании ребенка и перейдет на личности, то есть на Маргошу, из-за которой, по мнению Марины Михайловны, природа отдохнула на Анькиных математических способностях.

– Нам с ними детей не крестить, – заключила Антонина.

– А мужик нормальный. Она, конечно, дура, но мужик – ничего себе, – сказала Ира.

– Слушай, Тонь, а что с Витей? – спросила Соня.

Мальчик опять покраснел и опух.

– Не знаю, – отмахнулась Антонина, доливая себе вино, – на солнце перегрелся. Сгорел. Я ему говорила, чтобы футболку надел.

Марина Михайловна увела детей спать и тоже легла, а остальные все еще сидели на веранде – у Иры в сумке «завалялась» еще одна бутылка вина.

Из дома выплыл Витя с простыней на голове.

– Мам, мне жарко, – сказал мальчик.

– Иди сюда, я тебя сметаной намажу, – сказала Антонина и пошла в дом за сметаной. По дороге свернула стул и врезалась в дверной косяк.

– Мне не сверху жарко, а внутри, – заныл Витя.

Но Антонина уже запустила руку в банку с домашней сметаной и плюхнула ее на сына.

– Тонь, по-моему, у него опять аллергия, – сказала Соня.

– Да нет, сгорел, – отмахнулась Антонина, обмазывая ребенка сметаной.

– Потрогай его, горячий? – спросила Соня.

– Да вроде нормальный, – ответила Антонина. – Я что-то не чувствую.

– Иди сюда, Витек! – велела Ира.

Витя, обмазанный сметаной, прикрываясь простыней, подошел к ней.

– Тонька, да у него температура! – воскликнула Ира. –

Точно аллергия. Как от анальгина.

– Витя, ты что ел? Признайся! – закричала в панике Антонина.

– Ничего я не ел, – буркнул Витя, – овощи, как тетя Ира сказала.

– Витек, если не скажешь правду, оторву голову, – спокойно сказала Ира.

– Рыбу, – захныкал Витя, – я у Андрюшки с тарелки ел рыбу.

– Тебе же нельзя! У тебя на рыбу аллергия! – заорала Антонина. – Ты же знаешь!

– Я есть хотел! Я ее без кетчупа ел! И без макарон! От рыбы не толстеют! – опять заныл перепуганный Витя.

– Что же делать? Сейчас, у меня где-то были таблетки, – засуетилась Антонина.

– Тонька, успокойся. Щас в больницу поедем, – решительно встала из-за стола Ира.

В больницу они ввалились все дружно. Перепуганная дежурная медсестра пыталась их остановить и спросить, чего хочет эта компания – красный, в белых потеках мальчик в простыне и три пьяные дамочки, – но Ира отодвинула ее к стене решительным жестом:

– Мы знаем дорогу, спасибо. – И направилась в кабинет главного.

Как ни странно, главврач был на месте.

– Я пришла, – торжественно объявила Ира, распахивая

дверь ногой и держа в руках недопитую бутылку вина. – Вы же приглашали! А такому мужчине я не могу отказать!

Главврач чуть не упал со стула, но удержался.

– А я не одна пришла. С подружками! – продолжала Ира. – Веселее будет. Только вы нашему мальчику укольчик вколите, и я ваша навеки!

Соня плохо помнила, что было дальше. Помнила, как Витю увели в процедурную. Помнила, как Ира сидела на коленях у главврача. Помнила, как Антонина бегала за коньяком. Помнила, как блевала в больничном, пахнущем хлоркой туалете. Помнила, как возвращались домой – Ира ее практически несла на себе и обещала налить, «как только дойдем и сядем». Помнила, как их встретила Марина Михайловна, которой «не спалось». Соня отрубилась на диванчике на веранде, переживая, что Маргошина свекровь расскажет ее мужу, что она пила.

Утром всем было плохо. Ира стояла злая на крыльце и курила. Дети же, наоборот, были возбуждены и бегали из дома во двор и назад.

– Еще раз хлопнешь дверью – убью! – рывкнула Ира на Андрюшку.

– Это у мамочки нервное, не обращай внимания, – объяснила ему Тася.

Тася убежала за Андрюшкой в дом, громко шибанув дверь. Ирка поморщилась и раздавила в земле окурочек.

– Ты как, Софка? – спросила она.

– Плохо, – честно призналась Соня.

– Та же фигня, – ответила Ира.

Опять хлопнула дверь – прибежал Кирюша с ружьем, стреляющим водой, и начал хвастаться.

– А смотрите, что у меня есть! У вас такого нет! – кричал Кирюша.

– Где твои родители? – недобро спросила Ира.

– Они собираются. А мы идем на море! А я буду стрелять из ружья! А у вас нет такого ружья! – кричал Кирюша.

– А можно мне попробовать? – попросил Андрюшка.

– Нет, нельзя, это мое ружье. Скажи маме, пусть она тебе такое же купит.

Андрюшка насупился.

– А мы знаете куда поедем? Мы на катере поедем! А вы не поедете!

– Пасть захлопни! – оборвала мальчика Ира.

Кирюша испугался и замолчал. Но, набрав воздуха, кричал опять:

– А я маме расскажу, что ты меня ругаешь! А еще я скажу маме, что ты меня обидела!

– Кирюша, – вышла на веранду Марина Михайловна, – к взрослым обращаются на «вы», и если тебе делают замечание, нужно извиниться.

– А ты мне не приказывай! Я тебе не слуга! – крикнул Кирюша.

Марина Михайловна поджала губы и вскинула голову. Со-

ня поняла, что сейчас что-то будет. Она приготовилась слушать лекцию Маргошиной свекрови о том, «как должны себя вести приличные дети в присутствии старших». Но Марина Михайловна, еще с утра жаловавшаяся на давление, сказала просто:

– Слышь, ты, хамло беззубое! Закрой рот немедленно. Научишься себя вести – придешь.

Кирюша кинулся к калитке.

– Кирюша, Кирюша, – звала его Наташа.

– Что она кричит? Прямо по мозгам, – сказала раздраженно Ира.

– И лицо у нее вечно недовольное. Хоть бы улыбнулась, – поддержала Соня.

– Что вы тут разбегались? – набросилась на Тасю с Витей Ира. – На пляж собирайтесь. Чтобы я вас не видела!

– Мама, мама, а знаешь, что мне бабушка их сказала? А тетя Ира меня выгнала! – стал ябедничать Кирюша.

– Ой, сейчас Наташа придет скандалить, – сказала Соня с ужасом.

– Не придет. Испугается. А если и придет – мы ее интеллектом задавим, – пообещала Ира.

– Из этого мальчика не выйдет ничего хорошего, – заявила Марина Михайловна. – Тяжело им в школе придется. Ой, тяжело. Она с ним еще наплачется. Это я как педагог говорю.

– Да ладно вам, пусть живут как хотят, – сказала Антонина.

– Нет, Тонечка, раньше лучше было. Школа и семья шли рука об руку. Мы растили приличных людей. Это сейчас – частные школы, нельзя замечания делать, нельзя ломать психику ребенка. А вседозволенность – пожалуйста, а никакого уважения к преподавателю – сколько хочешь. Они думают – все купить можно. Заплатил школе – и можешь ноги об учителя вытирать. Нет, у меня таких родителей не было. И дети себя вести умели. Мой класс любимый, помню, подарил на День учителя вазу хрустальную. Так я эту вазу заставила их вернуть в магазин и отдать деньги родителям. Я им тогда сказала: «Выучитесь, поступите в институт, будете работать и с первой зарплаты, честной, своей, купите мне одну розу. Только такой подарок приму». И что вы думаете? Десять лет прошло, и вдруг они приходят ко мне домой – весь класс – и каждый держит в руке по розе. Вот это я понимаю. Я и пионервожатой работала, с детьми в походы ходила... Так в наше время такого Кирюшу быстро бы на место поставили. А песни какие были! А стихи!

Марина Михайловна запела песню о Сталине и пионерах.

– Я такой песни не знаю, – сказала Ира.

– А ее потом запретили – из-за Сталина. А песня-то – замечательная. Слова там очень правильные. Вот послушайте второй куплет.

Марина Михайловна спела второй куплет и зашла на припев. Дети выбежали на веранду и тоже слушали.

– Дети, запевайте «Катюшу»! – взмахнула руками, как ди-

рижер, бабуля.

Дети послушно затаили «Расцвели яблони и груши».

Соня видела, что около калитки Наташа выслушивает жалобы Кирюши и хочет войти к ним. Она уже толкнула дверь, но, услышав дружное хоровое пение, схватила сына за руку и поволокла его по дороге.

Марина Михайловна построила детей парами и повела на пляж. Она хотела, чтобы они по дороге говорили речевку, но никто не знал слов. Марина Михайловна пообещала им потом написать.

– Ну что делать будем? Тоже на пляж? – спросила Соня.

– Или попьем кофейку? – предложила Ира, постучав по горлу.

– Ир, я не могу больше. Я в Москве не пью в таких количествах. Я вообще не пью, – испугалась Соня.

– Никто не пьет. Я тоже за рулем все время. Тут, Софка, воздух другой и, так сказать, сопутствующие обстоятельства. Тут нельзя не пить. Мы с ума сойдем, – совершенно серьезно заметила Ира.

– Девочки, я уже коньячок достала. Давайте по чуть-чуть! – позвала из дома Антонина.

– Вот это я понимаю! – одобрила Ира.

Соня тяжело вздохнула и пошла в дом.

Они выпили и на пляж пришли уже в хорошем настроении. Соня, почувствовав себя бодрой и готовой к подвигам, побежала играть с детьми в мяч. Правда, падала часто.

С ними играл и Кирюша – одетый в спортивную форму, в носках и шлепках. Соне даже показалось, что мальчик-то не такой уж плохой. Ира уплыла к горизонту. Антонина поплыла с ней «на всякий случай» – все-таки выпили.

– Тонь, ты меня не спасешь, – сказала Ира. – Ты сама нетрезвая.

– Тогда надо взять кого-нибудь третьего, – предложила Антонина.

– Софка отпадает... О, надо Марину Михайловну взять, – высказала идею Ира. – Марина Михайловна, поплыли с нами. Наперегонки.

– На старт, внимание, марш, – скомандовала бабуля, и три женщины с визгом кинулись в волны.

Соня видела, как Наташа смотрит на них с ужасом.

Наконец все выползли на берег и растянулись на полотенцах.

– А я рассказал маме, что вы меня утром обижали, – сообщил Кирюша женщинам.

– Ты лучше скажи маме, чтобы она носки с тебя сняла, – ответила Ира.

– А ты не знаешь, что ябедничать нехорошо? – обратилась к мальчику Соня.

– А я не ябедничаю. Я правду говорю. Мама говорит, что я должен рассказывать, кто меня обижает.

– А что ты тогда к нам приходишь, если мы плохие? – поинтересовалась Антонина.

Кирюша убежал жаловаться маме. Та слушала его и кивала. Наташа тоже сидела в спортивном костюме, носках и шлепках.

– Надоел, – сказала Ира.

После плавания все протрезвели и обозлились.

– Почему она носки со шлепанцами носит? – подала голос Соня.

– Теплее, наверное.

– Раздражает.

– И не говори.

– А почему она не раздевается?

– Замерзла. Или у нее месячные.

– У меня тоже месячные.

– Пора обедать, – стала собираться Ира.

– Я больше не могу есть! – пожаловалась Соня.

– Ты и пить не могла, а пришлось, – напомнила Ира.

Они пошли в ресторан, где их встретили с распростертыми объятиями. Ира сказала Вите, что, если он съест хоть кусочек рыбы, она его убьет.

Вместе с десертом шеф-повар принес самогон – домашний, лично делал. Даже Марина Михайловна решила попробовать. Дети взяли ключи и побежали домой. Женщины не могли подняться – от еды и самогона их разморило. Марина Михайловна на весь ресторан пела «На теплоходе музыка играет».

Вечером она устроила детям интеллектуальную виктори-

ну, а Соня, Ира и Антонина опять сидели на веранде, потягивая самогон «от шефа». Соня разглядывала джинсы Андрюшки, к которым намертво прилипла жвачка. Мальчик научился выдувать пузыри и запихивал в рот сразу несколько пластинок – чтобы пузырь был больше. Соня поскребла ногтем жвачку – не отдирается.

– Что делать? – спросила она.

– Есть средство специальное, как пятновыводитель. Наливаешь на жвачку – она растворяется.

– И где я это средство сейчас возьму?

– Не надо средства. Положи в морозилку, – посоветовала Антонина.

– И что будет? – удивилась Соня.

– Она замерзнет и отвалится.

– Ты серьезно говоришь?

– Абсолютно, – ответила Антонина и икнула.

Пока дети тянули руки и отвечали на вопросы Марины Михайловны, Соня решила разобраться с джинсами и замочить грязную одежду, Ира пошла вздремнуть, а Антонина убежала в магазин.

Зазвонил телефон. Соня как раз стояла над раскрытой дверцей морозилки и гадала – так положить джинсы или в целлофановом пакете?

– Привет, как у вас дела? – спросил Сонин муж.

– Хорошо.

– Что Андрюшка делает?

– Играет в интеллектуальную викторину с Мариной Михайловной.

Она чувствовала, что муж расслабился и уже не так напряжен.

– А что у тебя голос такой? – спросил он. – Ты спала? Я тебя разбудил?

– Нет, нет, не спала, – ответила Соня.

Почему они звонят тогда, когда она нетрезвая? Как будто специально. С другой стороны, она все время нетрезвая.

– Что делаешь? – опять забеспокоился муж.

– Запихиваю Андрюшкины джинсы в морозилку, – честно ответила Соня. Она хотела придумать какое-нибудь «приличное» занятие, но фантазия не работала.

Муж в трубке замолчал.

– А зачем? – наконец выдохнул он.

– Чтобы жвачка замерзла и отвалилась, – ответила она.

– Какая жвачка? Соня, что с тобой? – Муж уже кричал в трубку.

– Послушай, что ты волнуешься? У нас все в порядке. Я стирала, дети под присмотром, теперь пытаюсь отодрать жвачку от джинсов. У тебя есть рецепт по отдиранию жвачки? – рассердилась Соня. – Если нет, то и нечего на меня кричать.

– Сонечка, я не кричу. Просто я волнуюсь.

– Все хорошо. Честно.

– А дай мне с Андрюшкой поговорить, – попросил муж.

Соня пихнула джинсы в морозилку, хлопнула дверцей и пошла за сыном.

– На, поговори с папой, – сказала она.

– Папа, а ты знаешь, что такое пендель? Мне Витек дал пенделя! А я ему! Витек собирается жениться на Таське. Мы выучили речевку и играли в «крокодила». Еще мы пели «Катюшу», а мама не разрешает мне дружить со стукачами. А Марина Михайловна рассказывала, что раньше стукачей расстреливали. А Витек уже два раза в больнице был. Ему огромные иголки в попу втыкали, и в руку тоже, и даже в голову. А если он не перестанет есть, то ему шланг в живот воткнут. А мы сами домой ходим. Я лучше всех замок ключом открываю, потому что он заедает. А я ночью проснулся, а мамы нет. Я спал с Анькой. А Таська ничего не видит. Она слепая. Совсем. Представляешь, как круто?

– Ладно, давай трубку, – велела сыну Соня.

– Сонечка, что у вас там происходит? Какие больницы, какая слепая девочка? Какие стукачи?

Соня живо себе представила, как муж схватился за сердце.

– Послушай, все в порядке. Хочешь, я тебе Иру дам? Она подтвердит.

– Какую Иру? – заголосил муж.

– Позвони завтра, ладно? Я не могу говорить. У нас тут Таська в ведро с водой наступила. И шваброй по голове получила. Она не слепая, а близорукая. Пойду все уберу, а то

Ира проснется и всем головы поотрывает...

– Сонечка, Соня, подожди! – закричал муж, но Соня отключила телефон.

Тася действительно наступила в ведро с водой, а потом на швабру, которые Соня не убрала за дверь. Девочка терла себе лоб и встряхивала мокрой ногой, как пописавшая собачка.

– Тасечка, иди сядь на диван, – попросила ее Соня. – Я вытру.

Тася села.

– Ой, у тебя на юбке жвачка! – сказала Анька, когда Тася встала, чтобы взять книжку.

– Андрюшка, я тебя убью! – закричала Соня. – Ты что, не можешь жвачку в мусорку выплюнуть? Больше не куплю.

Андрюшка в этот момент надувал пузырь. Пузырь лопнул, обляпав лицо.

– Так, Тася, снимай юбку. Ее тоже в морозилку надо положить. Андрюшка, быстро иди умывайся!

– А что ты мне приказываешь? Я тебе не слуга!

– Что ты сказал?

– А я расскажу папе, что ты меня обижаешь! – заявил сын.

Соня изменилась в лице. Андрюшка уже понял, что сказал лишнее.

– Что ты сказал? – заорала Соня, хотя понимала, что сын слово в слово повторяет Кириюшу.

– Лучше беги, – ласково и спокойно посоветовала Тася.

Андрюшка вскочил с дивана и выбежал на веранду. Соня

кинулась следом.

– У тебя своих мозгов нет? Ты попугай – повторять за другими? – кричала она. – Ты как с матерью разговариваешь?

– А Кирюша сказал, что мама всегда его слушается, если он говорит, что расскажет папе, – отойдя на безопасное расстояние, объяснил Андрюшка.

– Я тебе сейчас покажу, «Кирюша сказал»! – опять заорала Соня, сняла с ноги шлепку, чтобы надавать по заднице, и побежала за сыном. Но больно ударилась большим пальцем ноги и упала. – У-я, блин, что ж такое... – ругалась Соня, сидя в траве и потирая палец.

Андрюшка, Витя, Анька и Тася окружили ее и смотрели на палец.

– Тетя Соня, не ругайтесь, а то вам Марина Михайловна замечание сделает, – сказала Тася.

– Надо холодное приложить, – посоветовала Анька, – а то опухнет.

– А если отрезать палец и положить его в лед, то потом его пришьют, – сообщил Витя. – Я по телевизору видел.

– Мам, я больше не буду за Кирюшей повторять, не сердись. – Андрюшка погладил мать по голове.

– А вам очень больно? – спросила Аня.

– Очень, – пожаловалась Соня, которой было стыдно, что она сорвалась на сына.

– Круто, – сказал Витя. – Точно отрезать надо.

– Не надо, – ответила Соня и, ковыляя, пошла к веранде.

На веранде стояла Ира.

– Что вы все орете? – недовольно спросила она.

– Тете Соне нужно палец отрезать и в лед положить, а потом пришить, – сообщил Витя.

– Мамочка, я наступила на швабру и в ведро.

Нет, сначала в ведро, а потом на швабру, – сказала Тася.

– Это все из-за Кирюши, – сказала Аня, – за ним Андрюшка повторил нехорошие слова, вот тетя Соня и расстроилась.

– Я не хотел, – сказал Андрюша.

– Так, понятно, – ничуть не удивившись, сказала Ира. – Дети, вы все сделали, что было нужно?

Дети понуро смотрели в землю.

– Что задала Марина Михайловна? – поинтересовалась Ира и подмигнула Соне. Она точно не знала, что придумала бабуля, но была уверена – без задания детям Марина Михайловна спать после обеда не ляжет.

– Прочитать сказки народов мира, – ответила Анька, – а потом пересказать их друг другу.

– Вот идите и читайте, пока бабуля не проснулась. Софка, садись, я тебя сейчас лечить буду.

– Да ладно, уже все прошло, – заныла Соня. – Слушай, меня этот Кирюша совсем довел. Ведь я знаю, что Андрюшка никогда бы себе такого не позволил. Может, поговорить с этой Наташей?

– Ты пей лучше, – велела Ирка и налила Соне вина из канистры.

– А это откуда? – удивилась Соня.

– Это не я. Это Антонина принесла. Мне в подарок, – гордо сказала Ира.

– Какой ужас, – закатила глаза Соня.

– Не ужас, а дезинфекция.

– Какая дезинфекция? У меня же палец! И это не перекись водорода.

– Внутренностей. И обезболивание. Естественное. На, закуси. – Ирка сунула ей свежий батон.

Соня послушно выпила – вино было замечательное. Зазвонил телефон. Видимо, она его не отключила. Она жевала теплую горбушку и показывала знаками, чтобы ответила Ира.

– Да, здравствуйте, все в порядке. Соня не может говорить. У нее производственная травма. Не волнуйтесь, лед есть. Еслиотрежем палец, то будет куда положить. У нас и частный врач есть – пришьет, – строго говорила в трубку Ира. – Странно, положила трубку. Что она – юмора не понимает?

– Кто это был?

– Женщина какая-то.

– Наверное, Маргоша. Невестка Марины Михайловны. А ты что не пьешь?

– А я уже.

Вечером они ходили на аттракционы. Антонина блевала в кусты, жалуясь на вестибулярный аппарат. Ирка говорила, что аппарат надо тренировать, и советовала выпить еще.

На следующий день все проснулись поздно. Соня вообще не сразу поняла, где она и что происходит. За окном шел проливной дождь. Соня вышла из спальни и увидела, что все сидят за столом в гостиной – в пижамах, закутанные в пледы и одеяла. Марина Михайловна разливает чай.

– Холодно, – сказала Соня.

– Да уж. А теплых вещей мы не взяли, – ответила Ира.

– Даже в доме холодно, – пожаловалась Антонина.

– Давайте нагреем, – предложила Марина Михайловна.

– Чем? – спросили все дружно.

– Конфоркой. Оставим включенной. Станет тепло.

– Марина Михайловна, вы гений, – сказала Ира.

– Только нужно, чтобы кто-то был в доме – следил, чтобы дом не сгорел, – сказала Марина Михайловна.

Когда немножко распогодилось, Антонина убежала покупать зонтики и продукты, а Марина Михайловна вывела детей во двор. Дети бегали босыми ногами по лужам и были счастливы. Ира пошла досыпать.

Соня походила по дому, взяла книгу, отложила, помыла полы и посуду. Постучалась к Ире.

– Ты спишь?

– Уже нет.

– Слушай, дай таблетку от головы. Болит невозможно. И странно: как выпью – не болит, как трезвая – болит.

– Это, Софка, называется похмелье. Иди открой шкаф, там водка стоит.

– Нет, я лучше таблетку.

– Как хочешь. Мое дело предложить.

Соня выпила таблетку, но голова не проходила. Она открыла шкафчик и тайком плеснула себе водочки. В доме никого не было, и прятаться было не от кого, но Соня все равно чувствовала себя виноватой. В ресторан еще утром решили не ходить и приготовить обед дома. Марина Михайловна решила устроить детям «кулинарный поединок».

Соня убавила газ под конфоркой – уже стало жарко – и вспомнила про джинсы в морозилке. Зазвонил телефон.

– Как у вас дела? Что делаете? – спросил муж.

– У нас ливень был. Только распогодилось немного. Мы дом греем плитой. Джинсы вот из морозилки достала.

– Сонечка, тебе там совсем плохо?

– Почему? Мне хорошо. А что?

– Маргоша вчера мне звонила. Сказала, что у вас что-то точно происходит, только она не поняла что. Про какой-то палец рассказывала. Только я не понял, чей палец.

– У нас все в порядке. Сегодня будет «кулинарный поединок».

– Что у вас будет?

– Не вникай. Все. Я пошла жвачку отстирывать. Представляешь, Андрюшкины джинсы стоят колом и инеем покрылись.

– У вас снег?

– Нет, это те джинсы, из морозилки.

– Ты мне звони, если что. Маргоша хотела к вам приехать, но ее не отпустили на работе.

– Ей жить негде будет. У нас тут толпа.

– Ладно, я понял. Но, Сонечка, может, вам поменять билет и приехать пораньше?

– У нас все в порядке. Целую.

Соня пошла отстирывать джинсы.

Вернулась Антонина с продуктами и в шляпе. Огромной, белой. Видимо, попала под дождь, и на полях шляпы плескались лужицы.

– Вот, шляпку купила, – похвасталась Антонина.

– Зачем? – не поняла Соня.

– Как зачем? Шляпа? Зачем? Это же главный аксессуар. В Москве можно на вечеринку пойти. Очень сексуально.

Антонина подошла к мутному зеркалу и, отряхиваясь от капель, примеряла шляпу – заламывала поля, сдвигала на лоб.

– Ну просто Голливуд, – радовалась она собственному отражению. – С обложки журнала.

– А по-моему, ужасно, – сказала Соня.

– Потому что нужны платье и бусы, – совершенно не обиделась Антонина. – На, померяй ты.

– Не хочу, я не ношу шляпы, – ответила Соня.

– Ну и зря, – весело сказала Антонина.

– Дайте я померяю, – предложила Марина Михайловна.

Антонина отдала шляпу.

– Отлично, – оценила бабуля, – я у тебя ее забираю.

Марина Михайловна, не снимая шляпы, разобрала сумки и выложила продукты. Детей она усадила за стол и раздала задания. Было решено налепитьпельменей, нажарить блинов и сделать фруктовый салат.

– Я лучше пойду, – сказала Ира и скрылась в комнате.

– Я тоже побегу. Мне еще нужно купальник померить и шляпу другую купить. – Антонина тоже убежала.

Марина Михайловна стала учить детей лепить пельмени. Соня с Тасей встали печь блины.

– Тась, смотри, берешь половину половника, наливаешь на сковородку, переворачиваешь, смазываешь маслом, – показывала Соня.

Тася кивала. Проблема была в том, что девочка не видела сковородку и проливала тесто мимо. А еще она никак не могла разобраться с руками – как держать половник, намазывать ножом блин маслом и переворачивать лопаткой. Половник она плюхала мимо кастрюли на стопку блинов, ножом пыталась перевернуть блин на сковороде, а лопатку засунула под мышку. Соня два раза протерла плиту, выбросила испорченные блины и велела Тасе отойти. Девочка, виновато улыбнувшись, ушла.

За пельменным столом Витя пытался есть сырое тесто и даже попробовал фарш. Аня с Андрюшкой честно пытались слепить что-то, отдаленно похожее на пельмень. Тася, проходя, уронила пакет с мукой. Тарелку с фаршем Марина

Михайловна поймала налету – сказывалось пионерское прошлое с игрой в пионербол.

Тася взяла зонтик, вышла во двор и начала прыгать с лесенки. «Я – Мэри Поппинс! – кричала она. – Я лечу!»

На кухню вышла Ира. Стояла и смотрела, как дочь танцует на улице с зонтом.

– Ну как юродивая, прости господи, – сказала она. – Что мне с ней делать?

– Да нормальная девочка, – ответила Соня. – Просто у нее богатый внутренний мир. Она самодостаточная.

– Вот это меня и пугает.

– Почему?

– Как она жить будет, такая самодостаточная? Я ее подготовлю к семейной жизни, но где я ей мужа найду такого, который ее поймет? Я ей подруг-то найти не могу.

– А сама она?

– А ей не нужны подруги. Она или со взрослыми общается, или с детьми.

– В коллектив ее надо, – подала голос Марина Михайловна. – И в театральную студию.

– Ой, боюсь. А вдруг она в этой театральной студии совсем в себя уйдет? Как войдет в роль, так и не выйдет? А если Джульетту играть будет? Найдет себе какого-нибудь Ромео в реальности, влюбится... А потом возьмет и отравится...

– Нет, сначала они будут всяких мышек и лисичек играть, – резонно заметила Марина Михайловна.

– Мамочка, смотри, как я умею летать! – закричала со двора Тася. – Ветер переменился! Я улетаю!

Все посмотрели в окно. Тася балансировала на заборе.

– О господи! – выдохнула Ира и бросилась на улицу.

– Тася, Тася, слезай потихоньку, не надо улетать, – стараюсь говорить спокойно, уговаривала дочь Ира. – Пойдем, тебе Марина Михайловна хотела что-то сказать.

Соня с половником наперевес стояла рядом, готовая подхватить девочку. «Как она туда залезла? Хорошо еще не очень высоко падать», – думала она.

– Но, мамочка, я же хотела улететь, – обиженно проговорила Тася и покачнулась.

– Тась, ты можешь упасть, – сказала Соня.

– Тетя Соня, вы, как же я упаду, если я Мэри Поппинс? Сами подумайте! – ответила Тася так, будто объясняла очевидные вещи.

В этот момент в калитку вошла Антонина.

– Ой, Таська, слезай скорее, смотри, что я тебе купила, – сказала она, как будто ничего страшного не происходило.

Тася присела на заборе, ухватилась руками и заплакала:

– Я не могу, я высоты боюсь. Это Мэри Поппинс высоты не боится, а я, девочка Тася, боюсь.

– Так, Таська, держись, сейчас мы тебя снимем, – тут же стала решительной Ира и побежала за лестницей.

Поставили лестницу, Ира забралась наверх и схватила дочь. Внизу Антонина рассказывала, как Тася сейчас слезет

и померяет бусики из ракушек. Как у Русалочки. Соня держала лестницу. В этот момент зазвонил телефон.

– Алле! – рывкнула Соня. Она так и держала в руках половник.

– Сонь, это я! – сказала Маргоша.

– Сейчас мы Мэри Поппинс снимем с забора, и я тебе перезвоню, – быстро сказала Соня и отбросила телефон на землю – Ира с Тасей начали медленно спускаться.

– А правда, это такие бусы, как у Русалочки? – спросила Тася, когда оказалась на твердой земле и Антонина сунула ей в руку подарок.

– Правда, – ответила Антонина.

– Тогда я в них могу под водой плавать и с рыбами разговаривать, – обрадовалась девочка.

– Катастрофа ты моя! – охнула Ирка.

На кухню было страшно войти. Перепачканные тестом и мукой дети стояли вокруг кастрюли и ждали, когда сварятся пельмени. Витя запихивал в рот блины, собираясь выяснить, сколько блинов помещается непрожеванными в одном рту.

– Так, надо здесь убрать, – сказала Ира и ушла на веранду курить.

Антонина подхватила пакет, подозрительно громыхающий, и тоже ушла на веранду. Марина Михайловна разложила пельмени по тарелкам и усадила детей обедать.

– Сейчас поедят, потом сразу все помоем, – сказала она и положила на отдельную тарелку пельменей и блинов для

взрослых. – Вилкихвати, – попросила она Сою.

Когда Соня принесла вилки, Антонина уже разливала коньяк.

– Ты же за купальником вроде бы ходила, – удивилась Соня.

– Да? Не помню, – ответила Антонина.

– А чего коньяк, а не вино? – спросила Соня.

– А того, что холодно, – сказала Ира. – А под пельмени вообще водку надо пить.

Выпили, съели пельменей.

– Что с детьми-то делать? – спросила Соня.

Витя учил всех играть в «дурака». Андрюшка никак не мог понять правила и злился. Зато Анька все время выигрывала, из-за чего злился Витя.

– Откуда ты знаешь, какая у меня карта? – возмущался Витя.

– Я запомнила. Я тебе ее подбросила, – объясняла Аня.

– Ты запоминаешь карты? – обалдело спросил Витя.

– Конечно. А что, не надо? – удивилась Аня.

Тася разложила свои шесть карт и разговаривала с ними – валет у нее похищал даму. Другая дама была злой мачехой, а король – добрым королем. Потом Тасе не хватило карт для продолжения истории, и она собрала те, что были «биты». Тузы были дворцами, шестерки – охраной. Андрюшка перестал играть и стал строить карточный домик. Тася смотрела на карточный дом заворуженно. Витя не оставлял надежды

выиграть.

– Надо им устроить игру на местности, – сказала Марина Михайловна. – Пойду за мелками. Тонь, у нас призы есть?

– Я шоколадки купила, – ответила Тоня.

– Отлично. Надо спрятать пакет, будет клад. Так, девочки, допивайте и подключайтесь. Будете вопросы придумывать.

Марина Михайловна стала рисовать на асфальте стрелки.

– Соня, придумывай вопрос о живой природе, будешь стоять у той мусорки, если ответят, укажешь направление. Тоня, на тебе задача на логическое мышление. Ира, ты будешь стоять около клада и задашь вопрос по правописанию. А я буду с ними бегать.

– Марина Михайловна, мы вопросы никогда не придумаем, – заныли Соня и Антонина.

– Можно, я лучше полы помою и посуду? – попросила Ира.

– Ладно, бог с вами. Сама все сделаю, – махнула рукой Марина Михайловна и убежала рисовать стрелочки.

– Мне бы ее энтузиазм и энергию, – сказала Ира.

– Точно, – кивнула Соня.

Дети выбежали во двор и смотрели, что рисует бабуля на асфальте.

– Так, чего стоим без дела? – вернулась запыхавшаяся Марина Михайловна. – Пока я игру готовлю, играйте в «Улицу Пушкина».

– Во что? – не поняли дети.

– Я знаю, – вздохнула Аня.

– Аня, объясни детям правила. Через десять минут будет игра на местности, «бродилки», – дала указания Марина Михайловна.

Дети послушно выстроились в кружок и стали играть в ладошки: «Улица Пушкина, дом Колотушкина, номер дома скажешь ты...» Дальше шло число, и на кого это число выпадало, должен был ударить по руке стоящего рядом. Выбитый выходил.

– Ой, – воскликнула Антонина, – а мы играли в «Лебедя». Давайте я с вами.

Когда мимо забора проходили соседи – Кирюша с родителями, Соня, Ира и Антонина с детьми стояли в кругу, дружно и по-пьяному задорно кричали: «Летел лебедь по синему небу, читал газету под номером...» Ира не рассчитала силы и долбанула по ладони Витю. Витя стал трясти рукой и говорить, что «нечестно». Он так и не смог выиграть у Ани в карты и новым поражением был потрясен. Тася тоже играла, только все время задавала вопросы: «А почему лебедь? А какую газету он читал? А почему по синему небу?» Соня поддавалась, зато Антонина играла по-честному. Она и победила, за что Ира немедленно предложила выпить, закусив призовой шоколадкой.

Кирюша попросился играть с детьми. Наташа, сообразив на лице улыбку, зашла с сыном. Слава мялся у калитки.

– Слава, идите, кофейку нальем! – крикнула ему Ира и

привычно постукала пальцами по шее.

Все уже были в той стадии опьянения, когда гостей встречают с искренней радостью.

Расселись на веранде. Марина Михайловна повела детей играть в «бродилки». Кирюша убежал со всеми.

– А вы уверены, что все будет в порядке? – напряженно поинтересовалась Наташа.

– Да, конечно, они же с Мариной Михайловной. Наташа, вы что будете? – спросила Ира.

– Я не пью, – ответила Наташа. – А вы давно знаете эту Марину Михайловну? Она мне не нравится. Мне кажется, она очень грубо обращается с детьми.

– У Марины Михайловны огромный педагогический стаж, – сказала Соня и напряглась.

– Так, Слава, вам что? Коньяк? Скажите, когда «стоп», – говорила Ира.

Слава сказал «стоп», когда Ира налила полстакана.

– А где вы сегодня обедали? Мясо на рынке купили? И вы доверяете местным продавцам? – причитала Наташа. – Мне кажется, это небезопасно. Неизвестно, какое мясо они продают. Я вообще Кирюше разрешаю здесь есть только картошку и хлеб.

– Наташа, перестань, – ласково попросил ее муж. – Все нормально.

– Ну не знаю, – возмутилась та.

– Пельмешков будете? – спросила Ира Вячеслава.

– Буду, – ответил он.

– Я тебя потом лечить не собираюсь, – вскинулась Наташа.

– Слав, а вы нам гвоздь не забудете? Там вешалка оторвалась, – попросила Ира и подмигнула.

Вячеслав тут же все понял. Он пойдет в дом и там сможет поесть пельменей. Ира увела его, рассказывая про мифическую вешалку.

– Вот у мужа есть сын от первого брака, – тут же открыла рот Наташа. – Он и руку ломал, и ногу, и травился. А все потому, что его мать совсем за ним не следила. У самого Славика тоже – то давление, то сердце.

– Да кто сейчас здоровый? С такой экологией... – сказала Антонина.

– Это вы правы. Вот мама Славика, моя свекровь, ничего такого не ест. Мы ей и лекарства дорогие привозим, и все у нее парное, свеженькое. А все равно болеет. То одно, то другое. Хорошо еще сегодня дождь пошел, а то Кирюша постоянно в море лезет. А вода холодная. Я ему не разрешаю купаться. Ой, пойду посмотрю, как там муж.

Наташа подскочила и побежала в дом.

– Дура, – заключила Соня, – клиническая.

– Да ладно тебе, она еще молодая, – заметила Антонина.

– Я же тебя просила не пить. Ведь просила же, – доносился из дома голос Наташи.

Все опять собрались на веранде. Наташа сидела с напряженным лицом. Открыли еще одну бутылку коньяка. Вяче-

слав явно повеселел. Обсуждали погоду.

Прибежали разгоряченные дети.

– Так, быстро мыть руки! – вбежала в калитку Марина Михайловна.

– Кирюша, я же тебе запрещаю бегать, – тут же подско-чила Наташа. – Ты весь мокрый, простудишься.

– Мама, а Марина Михайловна специально задавала во-просы, на которые я не мог ответить, – пожаловался Кирю-ша.

– Конечно, не мог, – как ни в чем не бывало отозвалась Марина Михайловна. – Он же ничего не знает. Я вообще не понимаю, как с таким уровнем подготовки вы прошли собе-седование в школе.

– Мы занимались на подготовительных курсах! За день-ги! – обиженно заявила Наташа.

– Деточка, вы можете сколько угодно заплатить, но обра-зование идет из семьи. Вот вы когда в последний раз книгу в руку брали? Вот то-то и оно! – подняла палец Марина Ми-хайловна и зашла в дом. – Да, – выглянула она, – ответьте на вопрос: сколько в слове «яблоко» звуков?

– Я не собираюсь отвечать на ваши дурацкие вопросы! – возмутилась Наташа.

– Вот и Кирюша ваш так отвечает. Наплачетесь вы еще в школе. И набегаетесь.

– Все, Кирюша, собирайся, мы идем домой, – подскочила Наташа, – Слава, мы идем домой! Хватит пить, я сказала!

Наташа, схватив Кирюшу за руку, убежала. Муж поплелся следом.

– Да, тяжелый случай, – сказала Ирка, – а он пельмешков хорошо поел. Жалко мужика – ни пожрать не дадут, ни потрах...

– Ира! – возмутилась Соня.

– А что я такого сказала? Слушайте, а пойдемте вечером на дискотеку? Что дома-то сидеть? – предложила Ира.

– Правильно, – выглянула из дома Марина Михайловна. – Пойдем. Детям нужна дискотека. Мы всегда в лагере устраивали и в школе.

– Да ну, – запротестовала Соня. – Лучше спать ляжем.

– Нет, раз Марина Михайловна поддержала, то точно пойдем!

Дети обрадовались и стали наряжаться.

Ира выложила для Таси блестящие шорты, расшитые пайетками и стразиками, и такую же сумочку. Анька упростила бабушку разрешить ей накрасить ногти. Соня с Антониной тоже пошли одеваться.

Уже при полном параде собирались в гостиной. Антонина надела сарафан, сквозь который просвечивало белье. Марина Михайловна накрасила губы и обмоталась палантином. Соня надела брюки.

– Главное, самоощущение, – говорила Антонина Соне. – Вот ты как выглядишь?

– Нормально. Мы же с детьми идем.

– Ты можешь выглядеть как угодно, главное – какие импульсы ты посылаешь.

– Да никаких импульсов я не посылаю.

– Вот и я о том же. А я посылаю. Я же знаю, что на мне красивое белье, я чувствую себя раскованно. Никто не догадывается, но все чувствуют. Главное – посыл.

– Тонь, да твое белье видно всем, – вышла из комнаты Ира. – Без всякого посыла.

– Разве? – забеспокоилась Тоня. – Что, так просвечивает? Нет, должна быть загадка. Пойду переоденусь.

– Тетя Соня, вы, посмотрите на меня, я – красивая? – спросила Тася. – Мамочка, смотри, какие у меня ногти!

Тася натянула шорты почти до груди. Сумочка на длинном ремешке запуталась вокруг шеи девочки и болталась на попе, но Тася этого не замечала. Она вытянула вперед руки и растопырила пальцы.

– Господи, в чем это ты? – ужаснулась Ира.

– Я в лаке! – торжественно сказала Тася.

Видимо, ногти она красила без очков – красным блестящим лаком. Тася накрасила себе все пальцы и даже кисть руки.

– Тасечка, давай это сотрем, и я тебе накрашу красиво, – сказала Ира.

– Нет, мама, и так красиво! – забеспокоилась девочка. – Так красиво, что я даже дышать не могу от восторга.

– Иди сюда, катастрофа ты моя, – сказала Ира, распутала

ремешок сумки и спустила шорты до уровня талии.

– Ой, какая замечательная сумочка! – обрадовалась Тася, увидев собственный аксессуар. Ира тяжело вздохнула.

Антонина выпорхнула в точно таком же прозрачном платье, только другого цвета.

– Я готова! – объявила она.

– Так, дети, – хлопнула в ладоши Марина Михайловна, – дискотека до десяти ноль-ноль. Потом отбой, без разговоров и «последнего танца». Всем понятно? Не слышу?

– Понятно, – дружно сказали дети.

На открытой дискотеке играла музыка. Народ только собирался. Никто не танцевал. Витя с Андрюшкой бегали по площадке и играли в салки-прилипалки. Тася кружилась в собственном ритме. Аня сидела с бабушкой.

– Ну что, по текиле? – спросила Ира.

– Почему по текиле? – испугалась Соня.

– Для драйва.

Через три текилы Ира, Соня и Антонина танцевали под музыку из репертуара фестиваля в Сан-Ремо. На площадке они были втроем, не считая детей. Народ собрался, но танцевать никто не выходил. Тася пыталась встать так, чтобы фонари цветомузыки и крутящийся зеркальный шар светили на нее.

– У меня шорты сверкают? – спросила девочка Соню, перекрикивая музыку и подтягивая шорты до подмышек.

– Очень, – ответила Соня.

Витя учил Андрюшку танцевать брейк-данс на полу. Соня замутненным текилой сознанием успела подумать, что белые штаны сына она точно не отстирает. Последнее, что она помнила, – Марина Михайловна танцует матросское «яблочко», изображая перетягивание каната, Тоня хлопает себя по груди под звуки «макарены», а Ира, выстроив детей паровозиком, прыгает и выкрикивает: «Два вперед, один назад, ножка, ножка». Как уходили и во сколько легли, в памяти Сони не осталось. Ей казалось, что остальные события и разговоры вечера приснились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.